

До весенней поездки оставалось всего два дня.

В классе было сорок два ученика. Трое отказались, а остальные тридцать девять разделились на три отряда, каждый под предводительством учителя: математики, английского или литературы. Устроили соревнование — чья команда быстрее соберет карточки, спрятанные старостой в ключевых точках маршрута. Списки групп и распределение по палаткам уже вывесили на стене.

У стенда поднялся гомон: все толкались, вытягивали шеи и азартно спорили.

В этот момент в класс ввалился Чжоу Вэй в сопровождении своей свиты. Чэн Пан давно заметил, что он в школе занят ровно двумя делами: пусканием пыли в глаза и баскетболом. Его вечная манера разгуливать с мячом в руках напоминала Чэн Пану киношных злодеев, сжимающих какой-нибудь магический кристалл и готовых в любой момент разнести мир в щепки. Вид у него всегда был такой, будто он — пуп земли.

Цю Юй внезапно подошел к Чэн Пану.

— Почему тебя нет в списках?

— А? — Чэн Пан встрепенулся. — Я не участвую.

— Ты же подавал заявку?

— Да, передумал. Не еду.

Цю Юй пристально посмотрел на него:

— В чем причина?

Сидевший неподалеку Чжоу Вэй вклинился в разговор:

— Да потому, что я не еду, ясно же.

Он небрежно зашвырнул мяч под ножки стула.

Цю Юй перевел взгляд на Чэн Пана, словно спрашивая: «Это правда?»

Тот оторвал ручку от тетради, закатил глаза и мысленно показал Чжоу Вэю средний палец.

Цю Юй развернулся:

— Выйдем, поговорим.

Чэн Пан фыркнул и последовал за ним.

Они спустились на первый этаж и встали под навесом. Цю Юй спросил в лоб:

— Ты правда не едешь из-за Чжоу Вэя?

— Конечно нет! С чего бы мне из-за него планы менять? Я его терпеть не могу.

Он осекся и мысленно позвал:

«Большой J*J, нас сейчас кто-нибудь подслушивает?»

Система: [= = Нет, пока никого.]

Чэн Пан выдохнул:

«Ну и славно».

— Что? — не понял Цю Юй.

— Ничего, забудь.

Цю Юй чувствовал, что Чэн Пан что-то недоговаривает.

— Я думал, ты хочешь поехать вместе...

Вообще-то Чэн Пан так и планировал: спровадить Чжоу Вэя, стать для Цю Юя «ангелом-хранителем» и в нужный момент столкнуть лбами его и Сюй Линь, чтобы искра проскочила. Но теперь всё пошло прахом.

— У меня деньги украли, — признался он.

— Когда?

— На прошлой неделе, как раз перед сдачей взносов.

Этот придурок Чжоу Вэй словно память потерял. Он же видел, как его грабнули, и всё равно несет чушь про «не едет из-за меня». Какая самовлюбленность!

— Я одолжу тебе, — предложил Цю Юй.

Чэн Пан присел на край скамьи:

— Не надо. Долг отдавать придется, да и, честно говоря, не очень-то и хотелось. Изначально не планировал.

— Тогда зачем ты меня уговаривал?

— О тебе заботился, зачем же еще.

О нем заботился? Цю Юй растрогался.

В голове мгновенно сложился пазл. «Я его терпеть не могу...» — слова Чэн Пана о Чжоу Вэе зазвучали иначе.

Вспышка озарения: в первый же день Лю Бай выручил его из беды. С тех пор Чжоу Вэй переключил всю свою ярость на него одного. Неужели тот всё это время просто служил ему щитом?.. Нет, мысль казалась слишком безумной. Кто станет так жертвовать собой ради незнакомца?

Чэн Пан взглянул на него:

— Кстати, ты свободен после уроков?

— Да. А что?

— Зайдешь ко мне? Отец за меня переживает, думает, что у меня совсем друзей нет. Хочу тебя ему показать, чтоб успокоился.

Цю Юй долго смотрел на него, прежде чем ответить:

— Хорошо.

Семья Лю Бая жила в неприкрытой нищете. Понятно, почему он никогда не звал никого в гости — впрочем, звать-то было и некого.

Чэн Пана это не заботило. Во-первых, это была не его жизнь, а во-вторых, он действительно хотел приободрить Лю Дофу. Тот, бедняга, испереживался из-за нелюдимости сына.

Появление Цю Юя вызвало у Лю Дофу бурю восторга.

Он и надеяться не смел, что сын действительно приведет друга, да еще такого: статного, вежливого, с открытым лицом.

Лю Дофу засуетился, подвигая стул:

— Садись, сынок, присаживайся.

Цю Юя давно никто не называл «сынком». Он улыбнулся:

— Спасибо, дядя.

Дом оказался даже беднее, чем он воображал. Семья из трех человек ютилась в крохотном полуподвале площадью едва ли в пятьдесят квадратов. У входа громоздились горы мусора, а внутри, в тесноте двух комнатушек и кухоньки, едва можно было развернуться.

Однако в самом Лю Бае не было и тени этой убогости. Он всегда выглядел довольным, был вечно суетлив, а в голове явно крутились какие-то идеи.

Цю Юй невольно усмехнулся своим мыслям.

Лю Дофу вывалил на стол гору мандаринов. Цю Юй поблагодарил и взял один, заметив, что старик внимательно его изучает. Чэн Пан же, едва переступив порог, сослался на боли в животе и пулей улетел в туалет.

— Дядя, может, и вы съедите? — предложил Цю Юй.

— Нет-нет, спасибо, — Лю Дофу замялся, но все же не выдержал: — Лю Бай у меня с детства нелюдимый. Я всё боялся, что он так и останется один... Ты уж не обижайся на него, если он что не так сделает.

Старик почти умолял взглядом, спрятанным в сетке глубоких морщин.

«Он знает? — пронеслось в голове у Цю Юя. — Знает, что его сын — гей, и поэтому просит не презирать его?»

— Всё в порядке, — тихо ответил он.

Лю Дофу же в этот момент окончательно утвердился в своих догадках: «Точно он! Тот самый парень, которого сын целовал на днях! Сразу видно — хороший малый, чистенький, именно такие Лю Баю и нравятся. И сердце доброе, не побрезговал в такую глушь прийти. Бедный мой мальчик, так тогда расплакался... Видать, не от побоев ревел, а от чувств-с».

— Так ты, значит... не против? — осторожно спросил отец.

— Совсем нет.

Лю Дофу разочарованно вздохнул, но помолчав, добавил:

— Мой сын к тебе со всей душой. Он просто трусоват немного, стесняется, говорить красиво не умеет — всё больше делом доказывает. Ты не волнуйся, он тебе вреда не причинит.

«Святая родительская любовь», — подумал Цю Юй, очищая мандарин от белых волокон. Значит, Лю Бай действительно в него влюблен? Даже отец в курсе.

Получается, он и правда не смеет признаться, а просто тихо оберегает его.

На душе стало тепло.

— Вас это не смущает? — спросил Цю Юй.

— А чего смущаться-то? У моего двоюродного брата сын таким же был. Стали лечить — врачи парня до идиотизма довели. Я своего мучить не дам. Лишь бы человеком был счастливым, и ладно.

— Лю Баю очень повезло с отцом, — искренне сказал Цю Юй.

Лю Дофу замахал руками:

— Да брось ты...

Старик считал себя обузой для сына, стыдился своей бедности, но услышав такую похвалу от его единственного друга, расплылся в улыбке:

— Оставайся ужинать, малый.

— С удовольствием.

Наконец из туалета вышел Чэн Пан.

Увидев, как Лю Дофу и Цю Юй мирно беседуют, он немало удивился.

Отец отправился к дверям — разбирать принесенный хлам, — на прощание еще несколько раз одарив их лучезарной улыбкой.

— О чем болтали? — полюбопытствовал Чэн Пан.

— О тебе.

Цю Юй посмотрел на него и как-то странно, по-доброму улыбнулся.

— Пойдем, покажу свою берлогу.

Комната была крохотной и заваленной всякой всячиной. Видимо, сказывалась работа Лю Дофу: повсюду громоздились стопки потрепанных комиксов, старые телефоны, модели и прочие диковинки.

Письменный стол был безнадежно исцарапан ножом. На нем соседствовали каменная фигурка тигра, чернильница и тяжелое пресс-папье. Под столом сиротливо жались шахматы, го и даже гитара. Настоящий блошинный рынок в миниатюре.

— Ого, сколько у тебя добра, — удивился Цю Юй.

— Да так, насобирал... Сыграем в шашки?

— Давай.

Места было мало, так что Чэн Пан просто разложил доску на кровати. Они разулись и устроились друг напротив друга.

— Твой ход, — Цю Юй поднял глаза на соперника.

— Погоди, дай подумать...

Чэн Пан уставился на доску с таким серьезным видом, словно решал судьбу мира. Прошло добрых три минуты. Цю Юй не выдержал и прыснул.

Сидящий на кровати Чэн Пан казался ему сейчас невероятно милым — эдакий маленький

Будда. Даже дырка на носке и отчетливый второй подбородок, когда он склонял голову, вызывали не насмешку, а желание ущипнуть его за щеку. «А он симпатичный», — поймал себя на мысли Цю Юй.

Чэн Пан обожал игры и считал себя мастером в шашках, но Цю Юй оказался крепким орешком — он выиграл четыре партии подряд.

— Всё, в шашки больше не играю, — надулся Чэн Пан. — Давай в шахматы?

— Я не умею.

Вот тут Чэн Пан просиял:

— Не беда, научу!

Он полез под кровать за коробкой. Цю Юй невольно засмотрелся на его округлую спину и мягкие складки на пояснице, показавшиеся из-под задравшейся футболки.

Чэн Пан, ничего не замечая, расстелил на одеяле пластиковую доску и придавил края парой комиксов.

«Ну уж тут-то я тебе шанса не дам», — злорадно подумал он.

— Смотри, всё просто, — начал он объяснения, расставляя фигуры. — Твоя цель — напасть на моего генерала. Срубишь генерала — победа за тобой.

Для наглядности он взял Цю Юя за руку и показал, как ходит фигура:

— Конь ходит буквой «Г», слон — по диагонали через клетку, ладья — по прямой. Понял?

Он придвинулся ближе, его пальцы были мягкими и теплыми. Цю Юй впервые осознал, что у парня может быть такая кожа — словно нагретая солнцем апельсиновая корка.

Чэн Пан поднял голову:

— Запомнил?

— Да.

— Тогда пробная партия!

Первую партию Чэн Пан выиграл без труда. Он потер нос, с трудом сдерживая победное «хе-хе».

Цю Юй только улыбнулся и снова расставил фигуры.

На второй партии Чэн Пан начал потеть. Он недоверчиво покосился на соперника: «Да он что, гений? На лету всё схватывает!»

Цю Юй выиграл четыре раза подряд. Чэн Пан совсем приуныл.

В дверях показался Лю Дофу:

— Дети, обедать пора!

— Идем! — отозвался Чэн Пан.

Он вскочил, но, отвлекшись на мысли о проигрыше, не удержал равновесия. Он поскользнулся и со всей своей немалой массой рухнул прямо на Цю Юя.

Тот, обладая неплохой реакцией, попытался его подхватить.

Мгновение — и Цю Юй оказался прижат к кровати весом Чэн Пана. Устоять против такой «артиллерии» в упор было невозможно.

Чэн Пан уперся руками в матрас по обе стороны от головы Цю Юя. Они замерли, соприкоснувшись кончиками носов, не в силах отвести взгляда друг от друга.

<http://bllate.org/book/17527/1692961>